

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Дж. С. Милль

О свободе

Электронный ресурс

URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/Mill.O svobode.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Mill.O%20svobode.pdf)

Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях
(Ст.1274 ГК РФ)

URL:<http://www.civisbook.ru>

Джон Стюарт Милль

О свободе

1. Свобода и авторитет

Борьба свободы с Властью - наиболее заметная черта известной нам истории, особенно в Греции, Риме и Англии. В старое время это был спор подданных и правительства. Под свободой разумелась защита от тирании правителей. Правители (кроме некоторых демократий в Греции) были поставлены в неизбежно антагонистическую позицию по отношению к народу. Власть считалась необходимым, но и весьма опасным оружием, которое можно обратить как против внешнего врага, так и против подданных. Следовательно, нужно ограничить власть правителя над обществом, и это ограничение и есть то, что мыслится под свободой. Ее можно достичь двумя путями. Во-первых, признанием некоторых прав. Во-вторых, установлением конституционных ограничений. Однако приходит время, когда подданные уже не думают, что независимая власть правителей, противоречащая интересам людей, - закон природы. Они предпочитают рассматривать правителей как уполномоченных, которых можно отозвать. Постепенно это новое требование выборной и ограниченной во времени власти становится целью народной партии. Нужно, чтобы правители были из народа, чтобы их интересы и воля совпадали с народными. Правителю, по-настоящему подотчетному, должным образом смещаемому, можно доверить власть. Это будет власть народа, лишь сконцентрированная в форме, удобной для исполнения. Таково мнение, а вернее, чувство, обычное для теперешних либералов в Англии и, видимо, доминирующее на континенте.

Демократические республики заняли большую часть планеты, и выборное и ответственное правительство оказалось предметом анализа и критики как реальный факт. Теперь видно, что слова "самоуправление", "власть народа" не выражают подлинной свободы. Народ может захотеть

подавить часть своих сограждан, и нужно защититься от этого, как от любого злоупотребления властью. Итак, ограничение власти правительства не теряет своего значения и тогда, когда носители власти подотчетны обществу (то есть сильнейшей его части).

Сперва тирании большинства опасались (и до сих пор опасаются) главным образом, когда она проявляется в действиях властей. Но мыслящие люди поняли, что общество само по себе тирания, тирания коллектива над отдельными личностями, и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников. Общество вводит свои законы, и, если они неверны или вообще касаются вещей, в которые обществу нечего вмешиваться, возникает тирания куда сильнее любых политических репрессий, и хоть дело не доходит до крайностей, но ускользнуть от наказаний труднее, они проникают в детали жизни гораздо глубже и поработают саму душу. Законов против тирании чиновников недостаточно; нужна защита от тирании господствующих мнений и чувств, от стремления общества навязать свои идеи как правила поведения.

Хотя эту мысль вряд ли оспорят в общем, однако на практике еще не выяснено, как соотносятся индивидуальная независимость и общественный контроль. Значит, нужно установить правила поведения: сначала законы, затем - взгляды на то, что не попадает под их действие. Нет двух поколений, да и двух народов, где бы взгляды на эти правила совпадали, и решения одних поразительны для других. Однако любой народ, любая эпоха не подозревают, что их правила можно оспорить. Они кажутся очевидными и оправданными. Такова общая иллюзия - один из примеров магической силы привычки, которая не только "вторая натура" (по пословице), но и постоянно принимается за первую.

Эффект обычая не допускает сомнений в правилах поведения, потому что считается излишним объяснять обычай. Доказывать его необходимость не нужно ни другим, ни себе. Люди верят, что их чувства в данном случае сильнее логики, и доводы ни к чему. Руководит ими принцип, что "каждый должен поступать, как я и мои друзья, одобряющие мое поведение". Для собственных пристрастий рядового человека такая поддержка - довод не только достаточный, но и единственный, определяющий его взгляды. Суждения о том, что хорошо

и что плохо, зависят от многих причин. Иногда это разум, иногда суеверие и предрассудки; часто социальные симпатии, нередко - антиобщественные чувства: зависть, ревность, спесь, презрение; но большей частью страх за себя и желание пробиться - эгоизм, законный или незаконный.

Мораль страны исходит из интересов класса, который в данное время на подъеме. Зато когда прежде господствовавший класс теряет свою власть, мораль общества часто преисполняется нетерпеливым отвращением к нему. Другой решающий принцип правил поведения, навязанный законом или общественным мнением, - рабское преклонение перед предполагаемым превосходством господ.

Единственный случай, когда идея была воспринята из принципа, из высших соображений, и, за редким исключением, поддерживалась всеми, это - религиозная вера; что являет самый поразительный пример ущербности человеческого разума, ибо в религиозной ненависти искреннего фанатика всего яснее обнажается слепое чувство.

Протестанты точно так же, как католическая церковь, иго которой они сбросили, не желали допустить разницу в верованиях. Но когда полной победы никто не одержал и каждой секте пришлось ограничиться сохранением уже занятых позиций, меньшинство повсюду должно было просить разрешения верить по-своему. Именно на этом поле битвы права меньшинства были принципиально утверждены и отвергнуты притязания общества управлять диссидентами. Великие писатели, которым мир обязан религиозной терпимостью, определяли свободу совести как неоспоримое право. Но на практике религиозная свобода вряд ли реализуется, кроме разве случаев, когда люди равнодушны к религии и не хотят смущать свой покой теологическими раздорами. Там, где чувства большинства искренни и сильны, оно продолжает требовать подчинения меньшинства.

Цель этого эссе - заявить принцип, который должен управлять всеми отношениями общества к личности - независимо от того, используются ли точно установленные законы или моральное принуждение общественного мнения. Принцип этот прост: единственное оправдание вмешательства в свободу действий любого человека -

самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесен другим. Собственное благо человека, физическое или моральное, не может стать поводом для вмешательства, коллективного или индивидуального. Не следует заставлять его делать что-либо или терпеть что-то из-за того, что по мнению общества так будет умнее и справедливее. Можно увещевать, уговаривать, упрекать, но не принуждать и не угрожать. Чтобы оправдать вмешательство, нужно выяснить, причинит ли его поведение кому-нибудь вред. Человек ответственен только за ту часть своего поведения, которая касается других. В остальном - абсолютно независим. Над собой, своим телом и душой личность суверенна.

Вряд ли нужно говорить, что это относится лишь к взрослым. Тех, что все еще нуждаются в заботах других, следует защищать и от собственных действий. По этой же причине оставим в стороне отсталые народы, где сам период можно считать несовершеннолетием. Деспотизм - законный метод управлять варварами, если цель благая и действительно достигается. Свобода в принципе неприменима к обществу, предшествующему эпохе, где можно спокойно совершенствоваться путем свободных и равных дискуссий.

Я рассматриваю полезность как окончательный довод в вопросах этики, но полезность в широком смысле, основанную на постоянных интересах человека. Эти интересы должны подчинять индивидуальные порывы внешнему контролю, только если действия личности задевают посторонних. Причинившего вред другим следует наказать по закону или, если это неприложимо, наказать общим порицанием. Есть также множество действий, приносящих общую пользу, и к ним общество вправе принудить - к свидетельским показаниям, участию в обороне и другим делам. Есть и некоторые индивидуальные акты - спасение погибающих, защита беззащитных от насильника, совершать которые человек обязан, и за бездействие он ответственен (причинить зло другим можно и бездействием). Правда, последний случай требует принуждения более осторожного. Быть в ответе за содеянное зло - правило, отвечать за то, что не помешал злу, - исключение. Но есть область, в которой общество заинтересовано лишь косвенно, - та часть жизни, что касается лишь тебя самого, а если задевает прочих, то лишь с их добровольного и добытого без обмана согласия. Во-первых, это внутреннее царство сознания, требующее свободы в самом понятном смысле; свобода мыслей

и чувств; абсолютная свобода мнения по всем предметам. Свобода изъяснения и опубликования мнений может показаться подпадающей под другой принцип, так как задевает прочих, но будучи почти столь же важной, как свобода мысли, по сути неотъемлема от нее. Во-вторых, свобода вкусов и занятий, возможность строить жизнь в соответствии своему характеру; делать то, что нравится. В-третьих, из такой свободы каждого следует, в тех же пределах, свобода групп, свобода объединения для любых целей, лишь бы не вредили остальным (предполагается, что объединение добровольное и без обмана). Какова бы ни была форма правления, общество, где эти свободы не уважают, не является свободным. Каждый - страж своего здоровья - умственного и физического. Человечество больше выиграет, позволяя людям жить по-своему, чем принуждая жить "как надо" с точки зрения остальных.

Хотя эта мысль ничуть не нова и некоторым покажется трюизмом, она противоречит существующей практике. Общество изо всех сил старается заставить людей применяться к его взглядам. Прежние социумы считали себя вправе регулировать все детали частной жизни, утверждая, что в крошечной республике, которой постоянно угрожают вторжения и мятежи, даже в краткие промежутки отдыха нельзя позволить себе целительный эффект свободы. В современном мире огромных государств невозможно столь глубокое вмешательство закона в частную жизнь; но машина моральных репрессий казнит отклонения от господствующего мнения еще сильнее. Религия, самый мощный из элементов, формирующих мораль, почти всегда руководствовалась или амбицией иерархии, пытающейся контролировать все стороны поведения, или духом пуританства.

В мире вообще растет стремление увеличить власть над личностью, поскольку все перемены стремятся усилить общество и ослабить личность. Это - не случайное зло, которое само собой исчезает, - наоборот, оно будет расти. Желание и правителей, и граждан навязать свои взгляды и пристрастия так энергично поддерживается свойствами человеческой природы (у одних лучшими, у других худшими), что его вряд ли сдерживает что-либо, кроме недостатка власти.

2. Свобода мысли и дискуссии

Прошло, надеюсь, время, когда нужно было защищать "свободу печати" от продажного или тиранического правительства. Теперь, вероятно, излишни доводы против того, чтобы судья или чиновник, чуждый интересам народа, предписывал свое мнение и решал, что можно позволять к печати. Хотя английские законы о печати не свободней, чем при династии Тюдоров, сейчас не грозит запрет дискуссий, и в других конституционных странах правительство редко пытается контролировать выражение мыслей. Само принуждение здесь - незаконно. Лучшее правительство не более вправе на него, чем худшее. Даже если принуждение делается в согласии с общественным мнением, это так же вредно. Если бы все человечество минус единица было одного мнения и только один против, то подавлять мнение этого одного ничуть не справедливее, чем ему подавлять мнение человечества. Особое зло подавления мнений в том, что обездоливается все человечество, и те, кто против данной мысли, еще больше, чем ее сторонники. Если мысль верна, они лишены возможности заменить ложь истиной; если неверна, теряют (что не менее нужно) ясный облик и живое впечатление истины, оттененной ложью.

Необходимо рассмотреть отдельно эти две гипотезы. Никогда нельзя быть уверенным, что мнение, которое хочется подавить, ложно; но и будь это так, все равно, подавление вредно.

Отказываясь выслушать мнение из-за того, что считаешь его ложным, объявляешь свою уверенность абсолютной. Замалчивая дискуссию, претендуешь на непогрешимость. Каждый знает, что может ошибиться, но мало кто остерегается этого или допускает мысль, что истина, которой он придерживается, может оказаться ошибкой.

Общеизвестно, что другие эпохи, страны, секты, церкви, классы думали да и теперь думают иначе, чем мы, но это не колеблет нашей веры. Видно, векам свойственно ошибаться, как и личностям; у каждого века есть взгляды, которые потом сочтут и ложными, и нелепыми; и нет сомнения, что общепризнанные нынче истины будут отвергнуты в свою очередь.

Этот довод, вероятно, оспорят так: "Запрещая пропагандировать ложную идею, власть ведь не претендует на непогрешимость. Ей дано право судить, она его использует. При этом, возможно, ошибается, но разве это значит, что не следует судить вообще? Если отказаться действовать из боязни ошибиться, долг останется невыполненным".

Я отвечаю, что власть претендует на гораздо большее. Огромная разница утверждать правоту, позволяя оспаривать ее, - и претендовать на нее, не допуская дискуссий. Полная свобода выражений - необходимое условие, чтобы оправдать претензии на истину. Большинство мудрецов любой эпохи придерживалось взглядов, признанных потом ошибочными, и делало или одобряло вещи, которые нынче никто не оправдает. Почему же в итоге перевесили разумные взгляды и устоялось разумное поведение? Если это действительно так, - а иначе человечество было бы почти безнадежно, - то только благодаря свойству нашего разума исправлять ошибки. Он исправляет их посредством споров и опыта. Одного опыта недостаточно. Нужны споры, чтобы показать, как истолковывать опыт. Ложные идеи и практика постепенно уступают фактам и доводам, но эти факты и доводы нужно сперва представить.

Самая нетерпимая из церквей, Римско-католическая, даже при канонизации святого терпеливо выслушивает "адвоката дьявола". Оказывается, святейшему из людей нельзя воздать посмертные почести, пока не услышано и не взвешено все, что может сказать о нем враг. Взгляды, в которых мы более всего хотим убедиться, следует не охранять, а позволять подвергать нападкам оппонентов.

В наш век, лишенный веры и запуганный скептицизмом, люди уверены не столько в истинности своих убеждений, сколько в невозможности обойтись без них. Они требуют защитить устоявшиеся взгляды от критики не ради их истинности, а ради их важности для общества. Они-де полезны, даже, может быть, необходимы для спокойствия души, и правительство должно охранять их как основу государства. В случае необходимости оно может и обязано действовать согласно своим убеждениям, опираясь на общественное мнение. Часто говорят, а еще чаще думают, что только плохие люди хотят подорвать эти благотворные взгляды, и нет дурного в том, чтобы их приструнить. Такой образ мыслей оправдывает подавление дискуссий с точки зрения не

истины, а пользы. Верность идеи - это часть ее полезности. Если знаешь, что данная мысль желательна, разве можно не выяснять, верна ли она? Не плохие, а самые лучшие люди считают, что ложная идея не может быть полезной.

Чтобы лучше проиллюстрировать, как ошибочно запрещение высказывать осуждаемые идеи, перейду к фактам. История помнит, как рука закона выкорчевывала лучших людей и благороднейшие идеи и как некоторые доктрины выживали, чтобы (словно в насмешку) их использовали для таких же гонений на новых диссидентов.

Сократ родился в стране, изобиловавшей великими людьми, но современники считали его добродетельнее всех. Признанный учитель Платона и Аристотеля, чья слава растет уже более двух тысяч лет, Сократ был обвинен согражданами в нечестии и аморальности, судим и казнен. Обвинитель утверждал, что Сократ не верит в богов; а потому его учение и беседы "развращают молодежь". Суд (есть все основания думать, что судьи были искренни) нашел Сократа виновным и осудил лучшего из людей.

Перейдем к другому примеру судебной несправедливости, к событиям на Голгофе. Человек, в последующие века почитаемый Богом, был предан позорной казни. За что? За кощунство! Люди не только не узнали своего благодетеля, они обращались с ним как с чудовищем безбожия, хотя за это их теперь самих следует считать такими. Они, видимо, были не хуже нас, даже напротив, обладали в чрезмерном объеме религиозными, моральными и патриотическими чувствами своей эпохи. Такие люди в любое время (в том числе и наше) могут прожить всю жизнь беспорочно и в почете. Верховный первосвященник разодрал свои одежды, услышав слова, по тогдашним понятиям, невероятно греховные; гнев и ужас его был, вероятно, столь же искренен, как у большинства уважаемых и набожных людей современности от его поведения. Но многие из них, живи они тогда и будь иудеями, вели бы себя так же. Ортодоксальный христианин, думающий, что те, кто побивал камнями мучеников, были хуже его, пусть помнит, что было время, когда одним из гонителей последователей Христа был будущий святой Павел.

Прибавим еще пример, самый поразительный. Если когда-либо кто-нибудь из правителей был вправе считать себя лучше и просвещеннее своих современников, то это император Марк Аврелий. Абсолютный владыка всего цивилизованного мира, он всю жизнь был не только безупречным судьей, но и - чего можно меньше всего ожидать от стоика - сохранил нежнейшее сердце. Немногие недостатки, приписываемые ему, извинительны, а его сочинения - высочайший этический дар древности - мало чем отличаются от учения Христа. Если смотреть не догматически, то он, преследовавший христиан, был более христианином, чем почти все христианские короли. Император знал, что состояние общества плачевно. Он считал своим долгом не допустить его распада; и не видел, как объединить общество, если существующие связи исчезнут. Новая религия открыто угрожала им, значит, его долг - не принять эту религию, а уничтожить. Теология Христа к тому же не казалась ему верной и богоданной., Странная история распятого бога была неправдоподобной, а система, покоящаяся на столь невероятной основе, не могла для него быть тем обновлением, которым оказалась после всех невзгод. Кротчайший и симпатичнейший из философов и царей с торжественным чувством долга начал гонения. По-моему, это - один из трагичнейших фактов истории.

Теория, которая утверждает, что правда всегда победит, - одна из приятных выдумок. История полна примеров гибели истины от преследований. Если идею не окончательно подавляют, то отодвигают ее торжество на века. Реформация возникла раз двадцать до Лютера и была подавлена: Арнольд из Брешии, фра Дольчино, Савонарола, альбигойцы, вальденсы, лолларды, гуситы - все были подавлены. Даже после Лютера преследования реформаторов еще удавались. В Испании, Италии, Фландрии, Австрии протестантизм выкорчевали и, вероятно, то же было бы и в Англии, проживи дольше Мария, а не Елизавета.

Никто не сомневается, что римская империя могла бы уничтожить христианство, Оно распространилось и стало господствовать потому, что гонения были случайными и недолгими. Ленивая сентиментальность полагать, что истина сама по себе в силах одолеть темницы и плахи. Людей не более влечет правда, чем ложь. Реальное преимущество истины в том, что, если идея верна, ее могут уничтожить раз, два, многократно,

но с течением времени она вновь будет возрождаться, пока в одном из своих появлений не попадет в благоприятную эпоху.

Современная общественная нетерпимость не казнит, не выкорчевывает идеи, но понуждает людей либо маскировать мысли, либо воздерживаться от их распространения. И такое положение кое-кого удовлетворяет. Ибо господствующее мнение защищено от внешних помех без неприятного процесса наказаний и арестов, без абсолютного запрета мыслить. Удобный вариант - обеспечить покой в интеллектуальной области, чтобы все шло, как заведено. Но ради этого покоя в жертву приносится отвага человеческого разума. Если большинству активнейших и любознательнейших умов советуют держать при себе свои принципы и убеждения, а обращаясь к публике, стараться, насколько возможно, приспособить их к тем взглядам, с которыми они в душе не согласны - то открытые, бесстрашные натуры и интеллекты расцвести при этом не могут. Появятся соглашатели, приспособленцы, сами не верящие в то, что проповедают.

Те, кого не страшит вынужденное молчание еретиков, должны понять, что в итоге справедливой и полной дискуссии об еретических идеях не будет, хотя сами эти идеи не исчезнут. Но от запрета на исследования, не уместяющиеся в пределах ортодоксии, больше всего пострадают отнюдь не еретики, а те, чье умственное развитие сдавлено, а разум окован из страха перед ересью. Кто подсчитает, сколько потерял мир из-за того, что многие могучие интеллекты, соединенные, однако, с робким характером, не решились следовать отважным, независимым мыслям. Среди них можно найти совестливых, тонко чувствовавших, всю жизнь боровшихся с собственными мыслями, которых не заглушить, истощивших свою изобретательность в попытках примирить совесть и разум с ортодоксией и все же, вероятно, не преуспевших в этом. Нельзя быть великим мыслителем, не признавая, что твой первый долг - идти за своим интеллектом, куда бы он ни привел.

Но свобода мысли нужна не только великим. Средним людям она еще нужнее, чтобы они могли достичь того уровня, на который способны. В атмосфере умственного рабства было много и много еще будет великих философов-одиночек, но никогда не было и не будет в этой атмосфере интеллектуально активных людей.

Отбросим теперь предположение, что господствующее мнение ложно, допустим, что оно верно. Разумно ли его охранять, не допуская свободной и открытой дискуссии? Хотя человек убежденный неохотно признает возможность ошибки, его должна тревожить мысль, что самая справедливая истина, если ее не оспаривать свободно и смело, неизбежно превращается в догму.

Есть люди, которые, получив свою веру от авторитетов, думают, что сомневаться вредно. Если у них достаточно влияния, они не позволяют рассмотреть истину беспристрастно и мудро. Но противники все равно ее отвергнут (но уже грубо, резко), ибо полностью предотвратить дискуссию трудно, а когда она начнется, слепая вера отступит даже перед слабейшими возражениями. Не так должны хранить истину разумные существа.

Во что бы мы ни верили, следует научиться защищать свою веру хоть от простых возражений. Даже в естествознании всегда возможно разное толкование фактов - геоцентрическая теория по этой причине существовала вместо гелиоцентрической, флогистон - вместо кислорода. А если обратиться к более сложным вещам - к морали, религии, политике, общественным отношениям и деловой жизни, - три четверти доводов каждого спорщика направлены на то, чтобы развеять видимые достоинства противоположного мнения. Второй по величине оратор древности писал, что изучал доводы противника тщательнее собственных. То, что было для Цицерона средством успеха, следует практиковать всем, ищущим истину. Знающий только свою точку зрения, знает очень мало. Его доводы могут быть вески и неоспоримы. Но если он не в силах опровергнуть доводы противника, даже не знает их, то нет оснований предпочесть то или иное мнение.

Кстати, недостаточно воспринять чужие взгляды и их истолкования собственными усилиями. Это путь, не дающий реального контакта с доводами противника. Их нужно слышать из уст того, кто верит в них, защищает всерьез и во всю силу. Нужно узнать их в наиболее яркой и убедительной форме, почувствовать все трудности, с которыми столкнешься, защищая свой взгляд. Тот, кто никогда не ставил себя на место думающего иначе, не предвидел его возражений, в сущности, не

знает по-настоящему и своей доктрины. Ему неизвестны все компоненты истины, которые определяют решение разума, полностью информированного. Это понимание так существенно, что, если бы оппонентов важнейших истин не было, их следовало бы вообразить и снабдить сильнейшими доводами, какие мог бы придумать самый ловкий "адвокат дьявола".

Чтобы ослабить силу этих соображений, враг свободных дискуссий может сказать, что толпе нет нужды понимать все "за" и "против". Рядовому человеку ни к чему уметь показать ошибку оппонента. Достаточно, чтобы нашелся кто-то, один, способный ответить и отвести попытки сбить с толку необученных. Простые умы, которых посвятили в доступные их пониманию азы доктрины, могут довериться авторитетам, понимая, что у самих нет ни знаний, ни талантов, чтобы справиться с трудностями.

Но даже такой взгляд признает, что необходима уверенность в том, что есть удовлетворительные ответы на все вопросы; но как отвечать, если вопросов не слышно? Как почувствовать, что ответ удовлетворителен, если оппонент не может проявить своего недовольства?

Могут подумать, что отсутствие свободной дискуссии, если господствующее мнение верно, наносит лишь интеллектуальный вред (так как люди остаются невежественными), но не моральный, ибо ценность доктрины и ее влияние не снижаются. Однако при отсутствии спора забываются не только основы доктрины, но часто и само ее значение.

Это иллюстрируют почти все этические доктрины и религии. Для своих основателей и их учеников они были полны жизни и значения. Значение это не ослабевало и, может быть, даже усиливалось, пока шла борьба за утверждение доктрины. Наконец она побеждала, становилась преобладающей. Возражения ослабевали и постепенно гасли. Доктрина закреплялась, ее сторонники уже не принимали учение, а получали по наследству. Раньше верующие постоянно были начеку, готовясь защищаться или нападать, теперь, став тихими, стараются не замечать возражений и не ищут аргументов в свою защиту. Часто проповедники жалуется, как трудно удержать в умах верующих живое впечатление

истины, которую те признают лишь формально, она не проникает в их чувства, не управляет их поведением.

До какой степени доктрина, приспособленная всей своей сутью производить глубочайшее впечатление на умы, может превратиться в слепую веру, ничуть не реализованную в воображении, в чувствах и в мыслях, показывает то, как верит большинство христиан. Под христианством я разумею максимы и заповеди Евангелия. Они считаются священными и принимаются как законы всеми, исповедующими христианство. Но вряд ли преувеличу, сказав, что ни один из тысячи не поступает и не соотносит свои поступки с этими законами. Он ориентируется в своем поведении на обычай своего класса, страны или профессии. С одной стороны, у него набор этических максим, которые возведены непогрешимой мудростью, а с другой - набор повседневных суждений и действий. А в целом возникает компромисс между верой Христа и интересами мирской жизни. Первый набор почитают, второму - служат по-настоящему.

Можно не сомневаться, что не так было у первых христиан. Иначе христианство никогда бы не выросло из безвестной секты презираемых евреев в мировую религию. Когда их враги говорили: "Смотри, как эти христиане любят друг друга" (сегодня такое вряд ли услышишь), они явно чувствовали смысл своей веры. Видимо, это объясняет, почему христианство теперь так мало распространяется и после XVIII века ограничивается в основном Европой и выходцами из Европы.

Это относится и ко всем традиционным учениям. Литература всех народов полна замечаний о том, что есть жизнь и как вести себя в ней; замечаний, которые все знают, повторяют или почтительно слушают, считают трюизмами, но по-настоящему понимают лишь в результате опыта, обычно болезненного. Как часто, испытав непредвиденное несчастье или разочарование, припоминаешь хорошо известную поговорку, которая, если бы ее прежде понял, спасла бы от беды. Конечно, причиной тому не только отсутствие дискуссий: на свете много истин, значение которых постигаешь лишь на собственном опыте. Но многое в них лучше бы понималось и глубже отпечатывалось в душе, если бы человек чаще слышал, как о них спорят люди понимающие. Фатальное наше стремление не думать о вещи, ставшей несомненной, -

причина половины ошибок. Современный писатель хорошо сказал: "глубокий сон обнародованного мнения".

Нынче модно опровергать противника, указывая слабости его теории и ошибки практики, но не обосновывая своих истин. Такой негативной критики недостаточно для конечного результата; критика - не слишком ценное средство достичь позитивного знания или убеждения, достойного этого имени. Пока люди снова не станут систематически упражняться в спорах, у нас будет несколько великих учений, но при среднем низком уровне интеллекта во всех областях знания, кроме математики и физики. И если хоть кто-нибудь оспаривает ходячее мнение, возблагодарим его за это, выслушаем и порадуетемся, что он делает для нас то, что иначе пришлось бы с огромным трудом делать самим.

Остается сказать об одной из главных причин, почему разница мнений полезна. Мы рассмотрели два варианта: 1) господствующее мнение ложно, а другое - верно, 2) господствующее мнение верно, но конфликт с противоположным необходим, чтобы яснее понять и глубже ощутить истину. Обычно не бывает ни того, ни другого. Правда лежит посреди враждующих доктрин; и неконформистское мнение дополняет ту часть, которая есть у господствующего. Еретические взгляды обычно и есть эти подавляемые и пренебрегаемые истины. Разорвав свои цепи, они либо ищут примирения с правдой общего мнения, либо выступают как враги, чтобы с такими же крайностями утвердиться в качестве полной истины. Так бывает чаще всего, человеческий разум, как правило, односторонен. Отсюда - при революции мнений одна часть истины утверждается, другая гаснет. Даже прогресс, которому следовало бы их соединять, заменяет одну неполную истину другой - улучшение состоит в том, что новый клочок правды нужнее и более соответствует эпохе, чем заменяемый.

Так, в XVIII веке почти у всех кружилась голова от восхищения так называемой цивилизацией и чудесами науки, литературы и философии. Каким целительным шоком оказался парадокс Руссо, взорвавшийся бомбой и разбивший плотную массу одностороннего мнения. Не то чтобы господствующее мнение было в целом дальше от истины, чем Руссо, наоборот, в нем было больше правды и гораздо меньше ошибок. Тем не менее в доктрине Руссо находилось много именно тех истин, которых не

хватало господствующему мнению: мысли о высших ценностях простой жизни, о деморализирующем лицемерии цивилизованного общества.

В политике тоже стало почти тривиальностью, что для нормальной политической жизни нужны и партия реформ, и партия консерваторов (покуда одна из них не поумнеет настолько, чтобы стать партией и порядка, и прогресса). Каждое из этих мировоззрений обязано своей полезностью недостаткам другого, но именно взаимная борьба держит каждое в разумных пределах. Если мнения, одобряющие демократию и аристократию, собственников и уравнителей, кооперацию и конкуренцию, роскошь и воздержание, коллективизм и индивидуализм, свободу и дисциплину, не выражены с одинаковой свободой, не обоснованы с одинаковым талантом и энергией, то нет шансов, что обоим будет отдано должное.

Истина в практической жизни - вопрос примирения и сочетания противоречий. Но очень мало людей, достаточно беспристрастных, чтобы добровольно приспособляться и корректировать свои взгляды; и истина постигается в результате грубой борьбы, под враждебными знаменами. В любом важном вопросе больше оснований не только быть терпимым, но и поощрять из двух мнений то, которое в данный момент в меньшинстве. Именно оно представляет сейчас интересы пренебрегаемые, ту сторону человеческого благосостояния, которая в большей опасности.

Могут возразить: "В некоторых принципах много правды! К примеру, христианская мораль справедлива, и тот, кто учит, не руководствуясь ею, ошибается полностью". Поскольку этот случай самый важный в практике, то лучше всего подойдет для проверки генеральной максимы. Но прежде чем заявлять, что соответствует христианской морали, а что нет, хорошо бы выяснить, что понимают под этой моралью.

Если это мораль Нового Завета, то может ли почерпнувший свои знания из Евангелия полагать, что там содержится цельная доктрина? Евангелие везде ссылается на древнюю мораль, ограничивает свои предписания частными случаями, изъясняется в самых общих терминах, которые зачастую нельзя буквально истолковать, и обладает скорее выразительностью поэта, чем точностью законодателя. Извлечь из этого этическую доктрину невозможно, не прибегая к Ветхому Завету, то есть

системе, конечно, разработанной, но во многом варварской и предназначенной для варваров. Святой Павел, явный враг толкования доктрины в иудейском духе, тоже обращается к древней морали, но греческой и римской, и его советы христианам в огромной степени приспособлены к этому миру, вплоть до явного разрешения рабства.

Та мораль, что называется христианской, создана не Христом и апостолами, а гораздо позже, католической церковью первых пяти веков. Ни в коем случае не отрицаю, что человечество очень обязано этой морали, но не постесняюсь сказать, что во многих важных пунктах она неполная и односторонняя, и, если бы в становлении нашей жизни не участвовали и другие идеи, дела наши были бы куда хуже. В так называемой христианской морали нет положительных утверждений, так как она в основном - протест против язычества. Ее идеалы скорее негативные, чем позитивные; скорее пассивные, чем активные: Безвредность, а не Доблесть; Удаление от Зла, а не Стремление к Добру; предписаний: "Ты не должен" - неоправданно больше, чем "Ты должен". Ужасаясь чувственности, христианская мораль обожествляет аскетизм; считает надежду на рай и угрозу ада признанными и похвальными мотивами добродетельной жизни.

Если в современной морали есть хоть в какой-то степени чувство долга, то оно исходит от античности, не от христианства. В частной жизни великодушие, личное достоинство, широта ума, даже чувство чести вызваны гуманной, а не религиозной частью воспитания и никогда бы не возникли из этики, чья единственная признанная доблесть - смирение. Я далек от утверждения, что эти недостатки христианской этики - врожденные и неизбежные или что, если в моральной доктрине отсутствуют какие-то элементы, ее нельзя принять. Тем более не приписываю эти недостатки самому Христу.

Очень боюсь, что, отвергая стандарты мирские (не нашел для них названия получше), которые сосуществуют с христианской этикой и дополняют ее, мы создаем в результате характер низменный, рабский, подчиняющийся тому, что он считает Высшей Волей, неспособный даже мысленно подняться до концепции высшего добра. Думаю, что для морального возрождения человечества рядом с христианской этикой должна существовать другая, что христианская этика не исключение из

правила, что при несовершенстве нашего разума интересы истины требуют разницы мнений.

Не утверждаю, что самая неограниченная свобода мнений положит конец бедам, причиняемым сектантством. Узко мыслящие люди наверняка утвердят и навязнут любую истину, которую принимают всерьез, и даже станут действовать согласно ей, словно нет других истин. Стремление всех доктрин стать сектантскими свободные дискуссии не излечивают, а часто усиливают; истину, которую следовало бы увидеть, сектанты не видят, а отвергают тем яростнее, чем тверже ее провозглашают оппоненты. Но, в отличие от страстного спорщика, на стороннего наблюдателя сопоставление мнений оказывает целительный эффект. Не яростная схватка двух частей истины, а спокойное подавление одной из них есть главное зло.

Прежде чем расстаться с вопросом о свободе мнений, хорошо бы упомянуть тех, кто считает, что при свободе слова не следует переходить границы честного спора. Трудно установить эти границы; судя по опыту, если атакуют сильно и убедительно, всегда у оппонента возникает обида. И почти невозможно убедить спорщика, что он перешел границы корректности.

Непорядочнее всего - исказить противоположное мнение, сокрыть факты, прибегнуть к софизмам. Запрет "неумеренных выражений", то есть оскорблений, сарказма, перехода на личность и тому подобного, вызывает больше симпатии, когда направлен против обеих сторон, но обычно он касается только диссидентов, а защитников господствующего мнения не только не осуждают, но и одобряют за проявление праведного гнева.

Вообще мнение непопулярное разрешается высказать только умеренным тоном, тщательно избегая ненужных оскорблений, от которых потом не открестишься, не теряя почвы, - а в то же время неистовые вопли защитников господствующей доктрины отпугивают людей от спора и не дают выслушать новые мысли. Значит, ради истины и справедливости, гораздо важнее унять ругань крикунов из партии большинства.

3. Индивидуальность как один из элементов благосостояния

Никто не требует, чтобы поступки были столь же свободны, как мысли. Наоборот, даже мысль теряет свою неприкосновенность, если при некоторых обстоятельствах может побудить к дурному поступку. Заявления, что из-за торговцев хлебом бедняки голодают или что собственность - это кража, могут быть напечатаны, но справедливо подлежат наказанию, если высказаны перед возбужденной толпой у дома торговца. Любой акт, причиняющий без должного основания вред другим, может, а иногда и должен сдерживаться словом и, если нужно, активным вмешательством. Нельзя вредить другим лицам - так ограничивается свобода личности. Но если, действуя согласно своим наклонностям и мнениям, человек не задевает прочих, ему следует позволить осуществлять свои мысли за свой собственный счет - по тем же причинам, которые требуют свободы мнений.

Покуда люди несовершенны, разница мнений полезна, и так же полезны разные способы жизни и свободная возможность развиваться любому характеру, кроме опасного для других; ценность любого образа жизни следует доказать на практике, позволяя каждому испробовать его.

Более всего мешают этому принципу не сомнения в средствах, которыми хочешь привести к признанной цели, а равнодушие людей к самой цели. Если бы все ощущали, что свободное развитие личности - одно из ведущих условий благоденствия, что это не только связующий элемент цивилизации, культуры, обучения, воспитания, но и необходимая его часть и условие всех этих вещей - то недооценка свободы не грозила бы, и установить границы между нею и общественным контролем было бы не очень трудно. Беда в том, что ценность личной самостоятельности принимают неохотно, предпочитая не замечать ее. Большинство довольно своим образом жизни и не понимает, почему он не устраивает других людей. Более того, даже большинству реформаторов самостоятельность не кажется идеалом, скорее вызывает ревность, как причина тревог и, возможно, мятежной помехи их реформам. Мало кто понял значение доктрины Гумбольдта, столь известного ученого и политика: "Цель человека, предписанная вечными и неизменными велениями разума, а не внушенная смутными и преходящими страстями, - высшее и наиболее гармоничное развитие его сил до полного совершенства".

Впрочем, как ни мало привыкли люди к таким мыслям, как ни странно для них значение, придаваемое индивидуальности, вопрос здесь только в степени. Никто не считает, что идеально вести себя значит в точности копировать других. С другой стороны, нелепо претендовать, чтобы люди жили так, словно до них мир ничего не знал, словно прежний опыт не доказывает, что один образ жизни предпочтительней другого. Все согласны, что юность следует учить и тренировать, чтобы она знала и использовала плоды человеческого опыта.

Но преимущество человека в том, что, достигнув зрелости, он использует и истолковывает этот опыт по-своему. Его дело - найти то, что в признанном опыте соответствует его характеру и обстоятельствам. Традиции и обычаи других людей показывают, чему их научил их опыт; это следует учесть. Но их опыт, во-первых, может быть слишком узок или неверно истолкован, во-вторых, истолкование, возможно, верно, но не всем подходит. Обычаи годятся для обычных характеров и обычных обстоятельств, а данные обстоятельства и характер могут быть необычны. Третье: хотя обычай и хорош, и подходит, но, подчиняясь ему только потому, что это обычай, не разовьешь тех качеств, что специфичны для человека. Способность предвидеть, судить, различать, умственная активность и даже моральное предпочтение развиваются только, когда делаешь выбор. Тот, кто во всем следует обычаю, не выбирает. Он не определяет, что лучше, и не стремится к этому. А мораль и разум, подобно мускулам, укрепляются лишь в действии.

Тому, кто позволяет миру выбрать для него план жизни, не нужно никаких способностей, кроме обезьяньего подражания. Тот, кто выбрал план сам, использует все свои способности: наблюдательность, чтобы видеть; размышление, чтобы предвидеть; активность, чтобы собирать материал для решения; умение различать, чтобы решиться; а когда решился-- твердость и самоконтроль, чтобы не изменить решению.

Конечно, и без всего этого можно выйти на верный путь. Но в чем тогда ваша ценность как человека? В реальности важен не только поступок, но и как он совершается. Среди того, что создает человек, правильно использующий свою жизнь, совершенствуя и украшая мир,

важнее всего, конечно, он сам. Если бы было возможно строить дома, выращивать хлеб, сражаться, вершить суд, даже возводить храмы и творить молитвы, поручив все это машинам, - то мы потеряли бы многое. Человеческая натура - не машина, построенная по модели, чтобы совершать в точности предписанную работу, а дерево, которое должно развиваться и расти всесторонне, соответственно стремлению внутренних сил, делающих его живым существом.

Страсти и импульсы такая же часть современного человека, как убеждения и ограничения; сильный порыв опасен, только если он неуравновешен. Дурно поступают не из-за сильных страстей, а из-за слабой совести. Сильные импульсы - всего лишь другое название энергии. Энергию можно направить и на дурное, но из энергичной природы всегда извлечешь больше, чем из вялой. Естественные чувства всегда можно развить. Из обостренной чувствительности, делающей личные порывы живыми и мощными, вырастает и самая страстная любовь к добродетели. О человеке, у которого страсти и порывы выражают натуру, развитую и усовершенствованную культурой, говорят, что у него есть характер. У того, у кого нет своих страстей и порывов, характера не больше, чем у паровика. Человек, думающий, что развитие индивидуальности страстей и порывов не следует поощрять, вероятно, полагает, что обществу не нужны сильные натуры и высокий уровень энергии нежелателен.

На некоторых ранних стадиях общества людей с сильными характерами трудно было контролировать. Трудность была в том, чтобы заставить сильную личность подчиняться правилам, контролирующим порывы. Но теперь общество намного сильнее личности, и грозит ему не избыток, а нехватка личных порывов и пристрастий.

Желательно это подавленное состояние человеческой природы или нет?

Желательно! - отвечают кальвинисты. "Самоволие - великое зло. Все благое, на что человек способен, достигается послушанием. Выбора нет: надо делать так, а не иначе. "Что не долг, то грех". Человек по природе вконец испорчен, никто не спасется, пока не убита эта природа". Для сторонника такой теории уничтожение любых человеческих

способностей, возможностей и чувств - не зло; нужно только целиком положиться на волю Божию.

Сейчас существует сильная тенденция навязать эту узколобую теорию и ограниченный тип человека, которому она покровительствует. Но если верить в доброту Творца, то логично думать, что человеку даны способности, чтобы развивать их, а не выкорчевывать. "Языческое самоутверждение" - один из элементов человеческой ценности, не менее важный, чем "христианское самоотречение".

Не сводя до единообразия все индивидуальные черты, а развивая их, не нарушая при этом права и интересы других людей, человек станет благородным и прекрасным, и, поскольку труд влияет на характер работника, жизнь человека будет богаче, разнообразнее и ярче, давая гораздо больше пищи высоким думам и возвышенным чувствам. Пропорционально развитию индивидуальности повышается сознание собственной ценности, а значит, человека могут больше ценить другие. Жизнь каждого становится полной, а там, где больше жизни в единицах, больше ее и в массе.

Необходимой долей принуждения нельзя пренебрегать, иначе сильные личности нарушат права прочих; но это принуждение компенсируется даже с точки зрения человеческого развития. Если личности запрещено удовлетворять свои наклонности за счет других, она получит в результате развития этих других те средства развития, которых лишилась. Да и сама из-за ограничения эгоизма лучше разовьет общественные стороны своей природы. Придерживаясь строгих правил справедливости, развиваешь чувства и способности, полезные для собратьев. Но если запрещаются вещи безобидные только потому, что кому-то это не нравится, разовьется лишь упрямая сила сопротивления, человек помрачнеет, и весь характер его испортится. Разные люди должны по-разному жить, тогда натура каждого свободно разовьется.

Сказав, что индивидуальность связана с развитием и что только воспитание индивидуальности создает хорошо развитый характер, я бы мог на том закончить, ибо нет большей похвалы любому условию человеческой деятельности, чем утверждение, что оно приближает нас к самому лучшему состоянию. Однако подобных соображений, боюсь, мало.

И я, во-первых, сказал бы, что в практических делах оригинальность - ценный элемент. Везде нужны не только люди, открывающие новые истины, но и те, кто способен начать новое на практике, дать пример более просвещенного поведения, более тонкого вкуса и чувства. Это по силам лишь тому, кто не верит, что мир достиг совершенства. Конечно, но каждый может оказать такое благодеяние; не много людей, чей опыт (если его примут) улучшит установленное поведение. Но эти немногие - соль земли, без них жизнь была бы стоячей лужей.

Подлинных гениев всегда очень мало; но чтобы они были, необходимо сохранять почку, на которой вырастают титаны. Гений свободно дышит лишь в атмосфере свободы, ему труднее приспособиться к стереотипам, устроенным обществом. Если гений из робости согласится быть втиснутым в стандартную форму и позволит той своей части, которая не вмещается, остаться неразвитой, общество мало приобретет. Если же сильный характер разобьет эту форму, показав, что общество не смогло его принизить до посредственности, к нему "приклеят" ярлык "дикарь", "сумасброд", уподобясь тем, кто сожалеет, что Ниагара не течет плавно меж берегов, как голландские каналы. Я энергично настаиваю на значении гениев, на необходимости позволить им свободно развиваться и в мыслях, и на деле.

Знаю, в теории никто не против, но знаю, что почти каждый абсолютно равнодушен к этому. Думают, что гениальность хороша, когда создает восхитительное стихотворение или картину. Но что касается оригинальности в подлинном смысле слова, оригинальности мыслей и дел, почти все считают, что без нее можно великолепно обойтись. Неоригинальные умы не видят в ней пользы. Не понимают, зачем она - да и как им понять? Если бы поняли, какой в ней прок, это уже была бы не оригинальность. Вспомнив, что любую вещь кто-то когда-то сделал первым и что все существующие блага - плоды оригинальности, будем достаточно скромны, чтобы верить - не все еще сделано, и оригинальность нужна тем больше, чем меньше сознаешь, что ее не хватает.

По правде, сколько ни проповедуют или даже ни оказывают уважения реальному или мнимому умственному превосходству, общая тенденция в мире - предоставить посредственности больше власти. В древности, в Средние Века, и в уменьшающейся степени во время долгого перехода от феодализма к современности индивидуальность была сама по себе силой. Теперь она затерялась в толпе. В политике уже тривиально утверждение, что миром правит общественное мнение. Единственная настоящая власть - это власть массы и правительств, ставших органами инстинктов и тенденций толпы.

За общественное мнение не везде принимают мнение одних и тех же слоев общества: в Америке это мнение всех белых, в Англии - среднего класса. Но всегда это масса, то есть коллективная посредственность. И - еще большая "новинка": массы черпают свое мнение не из книг и не от церковных или государственных деятелей. Их взгляды создают люди, подобные им, обращающиеся к ним или говорящие от их имени. Я не сожалею об этом. Не считаю, что на теперешнем низком уровне разума возможно что-нибудь лучшее. Но тем не менее власть посредственности есть власть посредственности.

Начало всех благородных и мудрых вещей идет и должно идти от индивидуальностей. Честь и слава среднему человеку, если он способен следовать этой инициативе, способен внутренне отозваться на мудрое и благородное и идти за ним с открытыми глазами. Я не пропагандирую "обожествление героя". Гений вправе претендовать только на свободу указывать путь. Заставлять других идти по нему не только несовместимо со свободой и развитием людей, но и вредно для самого гения, так как развращает его. Кажется, однако, что когда мнение массы стало или становится господствующим, противовесом и коррекцией этой тенденции стала бы все более превозносимая индивидуальность великих мыслителей. В этих обстоятельствах вместо того, чтобы подавлять индивидуальность, следует поощрять ее действия, отличные от действий массы. Главная опасность сегодня в том, что не многие решаются быть эксцентричными.